

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Астахов, Павел Алексеевич.

А91 Инвестор / Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103558-7

История на первый взгляд банальна. Молодая женщина Дарья Шахова попала в беду, и ей срочно понадобились деньги. Она повелась на супервыгодное предложение «Прайм-банка» и отнесла туда все свои сбережения. Несколько милейших людей поступили точно так же. Вскоре деньги всех вкладчиков бесследно исчезли. Как, собственно, и сам банкир.

Дарья попросила у адвоката Павлова помощи. Артём сразу почувствовал — Дарья чего-то не договаривает, а ее глаза излучают страх. Глубокий, тщательно замаскированный страх.

Искать деньги, украденные мошенником, — последнее дело, но Павлов берется помочь Дарье. Расследование уводит его в темное и мрачное прошлое, которое постепенно срывает маски со всех инвесторов «Прайм-банка». И, словно грязная пена, всплывают жуткие грехи людей, которые кажутся порядочными и добрейшими. Но не столько они беспокоят Артёма, сколько тот невидимый и неуловимый, кто взял на себя роль судьи и палача этих людей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103558-7

© Астахов П., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Возмездие преследует всякого, но
догоняет немногих.

М. Эбнер-Эшенбах

Поздний посетитель

*13 октября 1998 г., 22.27. Москва.
У ворот частной медицинской клиники
«Будь здоров»*

По осенней унылой улице ветер кружил пожелтевшие листья. Он делал это весьма вяло, с заметной неохотой, словно домашний кот, которому уже давно осточертела старая игрушка, но он все же продолжал лениво катать ее лапой по полу.

Где-то вдали громыхнуло. Небо, набухшее влагой, содрогнулось от сухого треска молнии, которая сверкающим ланцетом вспорола сумерки. Зарядил дождь, пятная стылый асфальт темными каплями.

По улице спешил человек, торопливо перебирая ногами. На нем был заношенный мешковатый плащ, измятые брюки и стоптанные туфли, которые так и просились в мастерскую сапожника. Голову мужчины прикрывала кепка, сплюснутая как блин, из-под которой торчали неровно остриженные вихры. Довершала картину густая неряшливая борода. При первом взгляде этот субъект, спешащий куда-то, вызывал ассоциацию с бардом либо вольным художником.

Он завернул за угол, когда вновь prorokotal гром. Холодный дождь словно учуял в грохоте, разрывающем небо, руководство к действию и обрушился на город

сплошным ливнем. Пешеход выругался сквозь зубы, втянул голову в мокрый плащ и перешел на бег.

Он остановился у шлагбаума, перевел дыхание и устремил взор в окно будки КПП, на обшарпанной стенке которой тускло мерцала латунная табличка. Надпись, сделанная на ней, извещала всех и каждого о том, что здесь находится коммерческая медицинская клиника под названием «Будь здоров».

За стеклом виднелся дежурный охранник, рыхлый, тучный мужчина лет пятидесяти. Он осовело пялился в газету и не заметил, как человек в плаще пригнулся, проскочил под стрелой шлагбаума и заспешил к главному входу больницы.

Дверь оказалась заперта, и мужчина в плаще нажал на кнопку звонка.

— Ну, давай же, — тихо проговорил он, тщетно пытаясь разглядеть за стеклом хоть какой-то намек на движение.

Его дыхание стало прерывистым, по виску заскользила струйка пота. Он снова утопил кнопку звонка, прислушиваясь к раздражающим трелям, которые, по его твердому убеждению, должны были разбудить кого-нибудь в регистратуре.

— Может, я припозднился? — вслух пробормотал этот человек. — Или частные конторы работают так же, как и библиотеки?

Его палец уже был готов нажать на кнопку звонка в третий раз, как за стеклом мелькнула неясная тень. Темные глаза бородача озарились надеждой.

Заскрежетал замок, скрипнула массивная дверь, и вымокший до нитки посетитель увидел пухлое лицо дежурного врача. Он был грузен, и белый халат сидел на нем, как наволочка на взбитой подушке.

ИНВЕТОР

— Вам чего? — не слишком дружелюбно поинтересовался толстяк у позднего гостя, поправляя на голове медицинскую шапочку.

Тип в плаще шмыгнул носом и проговорил:

— Я звонил сегодня. У вас мой родственник.

— Родственник?

— Да, брат, — запинаясь, подтвердил посетитель. — Геннадий Назаров. Он сейчас в реанимации. Его перевели к вам из шестьдесят седьмой больницы.

Врач вздохнул и сказал:

— Вашему брату сегодня операцию сделали. А время уже слишком позднее для посещений.

Мужчина в плаще покорно кивнул.

— Мне очень надо.

— Всем всегда что-то надо, — заявил толстяк и зевнул. — Вообще-то не положено.

— Мне сказали, что он впал в кому, — выдавил брат пациента и вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони. — Вы же понимаете. Брат может умереть в любой момент.

Врач с задумчивым видом почесал мясистый подбородок.

— От того, что вы на него посмотрите, лучше ему не станет. Он все равно сейчас без сознания.

— Послушайте, но это ведь коммерческая клиника, — робко проговорил бородач. — Мне казалось, что и условия здесь будут попримичнее, чем в обычных больницах.

Врач кисло улыбнулся, посторонился и пропустил его внутрь.

— Покажите паспорт, — внезапно потребовал толстяк, когда они оказались внутри.

Мужчина в плаще снял кепку, нервно пригладил непослушные вихры. На кончиках волос и усов побле-

скивали капельки дождя, от обуви на исцарапанном кафеле расплылись небольшие лужицы.

— Паспорт? Хм...

— Конечно. Я должен быть уверен в том, что вы являетесь родственником больного.

Посетитель водрузил кепку обратно и растерянно произнес:

— Вот ведь незадача. Я так спешил, что об этом не подумал. Но у меня есть пропуск на работу. Правда, он без фотографии. — Он заметил, как нахмурился врач, и торопливо добавил: — Меня зовут Андрей Назаров. Вот мой пропуск, посмотрите.

— Не нужен мне ваш пропуск. Как вы прошли через пункт охраны?

— Да разве это так важно? Ну, проскочил, пока охранник отвернулся! — воскликнул мужчина, щеки которого порозовели от волнения. — Я компенсирую вам эту оплошность с паспортом. Так сказать, небольшое вознаграждение за поздний визит, идет? — С этими словами Назаров дрожащей рукой выудил из внутреннего кармана плаща пачку смятых денег.

Он отделил от нее несколько купюр, положил их на стол и уставился на врача, который с каменным выражением лица смотрел на странного гостя.

— Я прошу вас, — взмолился Назаров. — Может, это наша последняя встреча! Сделайте доброе дело, пропустите меня!

— Я не один тут работаю, — обронил эскулап после небольшой паузы.

— Да-да, конечно, я понимаю, — проговорил Назаров, понятливо закивал и добавил еще три купюры.

Его руки тряслись, и он едва не выронил их на пол.

— Вот, возьмите.

Не меняя выражения лица, врач раскрыл журнал

ИНВЕТОР

посещений, лежавший на столе, впихнул взятку между страниц и молниеносным движением захлопнул его. В воздух поднялось едва видимое облачко пыли.

С губ Назарова сорвался вздох облегчения.

— Мне на второй этаж? — уточнил он, но толстяк его осадил:

— Не так все быстро. Вас будет сопровождать дежурный.

— Послушайте...

— Или вы думали, что в реанимации дверь нарасспашку? Я не могу отпустить вас одного бродить по клинике.

Обойдя стол, врач поднял трубку телефона внутренней связи и набрал какой-то номер.

Потянулись томительные секунды ожидания, было слышно только монотонное гудение флуоресцентных ламп.

Назаров опять снял кепку, нервно потер ее, словно очищая от невидимого пятнышка, после чего вновь нахлобучил на голову. Поджав губы, он с нарастающим раздражением смотрел на врача, который, казалось, застыл каменной глыбой с этой разнесчастной трубкой в руке.

Бородач кашлянул.

Врач забарабанил по столу крупными сосискообразными пальцами, затем вновь набрал номер.

«Да уж. Вот тебе и частная медицина», — подумал Назаров, косясь на ногти работника клиники, обкусанные едва ли не до мяса.

Взгляд бородача переместился на линолеум, истертый до белизны, потом пополз вверх и задержался на гудевшей лампе, которая лихорадочно моргала, словно маяк.

«Никой разницы по сравнению с бесплатной больницей. Разве что очереди нет».

— Дмитрий Олегович? — неожиданно проговорил врач в трубку. — К Назарову посетитель. Ага, брат. Хорошо, понял. — Толстяк с щелканьем впечатал трубку в аппарат, поднял глаза. — Идемте. Халат я вам дам.

Реанимационное отделение

На третьем этаже их встретил врач. Он вытер руки белоснежным полотенцем и внимательно оглядел неряшливого посетителя. В покрасневших от недосыпа глазах доктора промелькнула неясная тень.

— Брат, говорите? — поинтересовался он, аккуратно сложил полотенце и повесил его на кисть левой руки.

В этой позе врач был похож на официанта.

— Да, Геннадий Назаров. Скажите, что с ним?

Реаниматолог бросил многозначительный взгляд на своего плотного коллегу, который провожал Назарова. Толстяк молча кивнул, привычным движением поправил шапочку и бесшумно выскользнул за дверь.

— Брат, — зачем-то повторил врач, вновь повернувшись к бородачу.

— Где он? — спросил Назаров, опять начиная нервничать.

В его глазах, слегка увеличенных линзами очков, причудливым цветком распускалось отчаяние, переплетенное с мучительным страхом за родственника.

— Шапку снимите, — велел врач, двинувшись по коридору.

Назаров безропотно выполнил это указание и молча засеменял следом за доктором. Звук собственных шагов отдавался оглушительным эхом в его ушах.

ИНВЕТОР

Врач остановился у двери с табличкой: «Посторонним вход запрещен». Над ней тускло мерцала выпуклая лампа, на которой пульсировало красным: «Отделение реанимации и интенсивной терапии».

— Доктор... — начал было бородач, но врач его перебил:

— Ваш родственник без сознания. Состояние стабильно тяжелое. Сегодня он перенес две операции. Для подстраховки мы подключили его к ИВЛ.

— ИВЛ, — машинально повторил Назаров, словно пробуя эту аббревиатуру на вкус.

— Да, ваш брат на искусственной вентиляции легких, — терпеливо подтвердил врач.

— Он выживет?

— Мы делаем все возможное, — последовал невозмутимый ответ.

«Совершенно стандартный текст в подобных случаях», — зачем-то отметил про себя Назаров.

— Обнадеживать не буду, — продолжал реаниматолог. — Сами понимаете. После открытого перелома черепа говорить о выздоровлении преждевременно. — Он чуть помедлил и добавил: — Подобные травмы люди чаще всего получают в результате избиения. Кстати, он поступил к нам без левой кисти. Определенно, что ампутация произошла совсем недавно. Кому он так насолил?

Назаров вытер пот, выступивший на лбу.

— Видите ли, Геннадий занимался коммерцией, — сбивчиво заговорил он. — Мы с ним давно не виделись, и я только вчера узнал...

— Ладно. По сути, мне не так уж важно, кто и за что это с ним сделал, — снова перебил его врач и как-то равнодушно пожал острыми плечами. — В конце

концов, этим должна заниматься милиция. У вас будет пять минут. Хватит?

Назаров глубоко вздохнул и сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — сухо отозвался врач.

Бородач вдруг подумал о гравии, шуршащем под ногами. Именно так звучал голос реаниматолога.

С замершим сердцем он смотрел, как тот не глядя, привычным движением пробежался тонкими пальцами по кнопкам кодового замка. Раздался щелчок, и дверь открылась. Назарову совершенно неожиданно пришло в голову, что, как только он переступит порог реанимационной и дверь за ним закроется, его жизнь будет разделена на «до» и «после».

— Ну, что же вы?

Уставший голос врача вывел мужчину из легкого ступора. Он сделал неуверенный шаг вперед и тут же замер, уставился на расплывшуюся пожилую женщину, лежащую на кушетке.

— Не пугайтесь. Соседка вашего брата ведет себя тихо и не доставляет ему никаких неудобств, — с плохо скрытой насмешкой произнес реаниматолог.

Назаров, будто загипнотизированный, продолжал смотреть на старуху. Седые космы женщины рассыпались на плоской подушке и напоминали клочья пыльной паутины. Пепельно-серое лицо изрыто глубокими морщинами, глаза, подернутые катарактой, смотрели в никуда. Одеяло сползло до колен, обнажив туго забинтованный живот пациентки. Кое-где сквозь ткань перевязочного материала проступила кровь. Дряблая грудь и шея утыканы трубками, приклеенными липучками. Одна рука женщины была привязана ремешком от халата к боковой стойке кушетки, вторая же оставалась свободной и вяло комкала простыню.

Назаров не мог отвести глаз от этих изжелта-грязных пальцев. Узловатые и костлявые, они смахивали на когти подыхающего грифа.

Врач заметил на полу бинт, которым прежде была привязана рука больной, и недовольно цокнул языком.

— Что же вы, Надежда Ивановна, — мягко проговорил он, поднял бинт с пола и бережно расправил его. — Ни на секунду нельзя вас оставить.

Реаниматолог взглянул на посетителя, который продолжал нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Это ее так родной внучок, — спокойно пояснил доктор. — Наркоман. Искромсал ножом родную бабушку так, будто винегрет готовил. Ее в простую больницу отвезли, а там сами знаете какие условия. Повезло, что отец этого звереныша быстро отыскался. Если бы не он, вернее сказать, не кошелек этого нового русского, то она бы еще вчера душу богу отдала.

Назаров судорожно втянул ноздрями острый запах, витавший в реанимационной, и кашлянул. Это была гремучая смесь антисептиков, бинтов, пота и... приближающейся смерти.

Врач заново привязал руку больной к стойке, поднялся и сказал:

— Ваш брат вон там. — Он показал рукой.

Назаров будто очнулся от тревожной дремы и зашаркал к окну, где стояла еще одна кушетка, отгороженная ширмой-перегородкой. На ней в полной неподвижности лежал мужчина, укрытый до самого подбородка одеялом. Назаров плотно сжал губы, увидев лицо, распухшее от кровоподтеков. Лилово-черное, перекошенное, оно вызывало оторопь и даже отвращение. Голова забинтована через подбородок, глаза закрыты. Из раззявленного рта тянулась интубационная трубка.

Назаров моргнул, словно не веря собственным глазам. Монотонное пиканье кардиомонитора тонкими иголочками впивалось в барабанные перепонки.

— Я выйду на пару минут, — слышался голос доктора. — Поторопитесь. Больному нужен покой и тишина.

— А почему его не привязали? — вырвалось у Назарова.

Он приподнял край одеяла, заметил укороченную культю и вздохнул.

— Потому что он в глубоком наркозе, — объяснил реаниматолог. — И еще долго будет пребывать в таком состоянии. Не задерживайтесь. — С этими словами он вышел из реанимационной и закрыл за собой дверь.

Назаров улыбнулся. Улыбка эта вышла напряженной, словно кто-то невидимый растянул его рот, бесцеремонно сунув пальцы в уголки губ.

— Покой и тишина, — прошептал он, прошел к двери и вытащил из плотного конверта, приклеенного к ней, две карточки.

«Пономарева Надежда Ивановна, — про себя прочел он, посмотрел на следующую, и морщины на его лбу разгладились. — Конечно. Все совпадает. Покой и тишина. Назаров Геннадий Игоревич, он самый и есть».

Бородач вложил карточки обратно в конверт, подошел к кушетке, бросил взгляд на стол, стоявший у окна. Ларингоскоп, анестезиологические щипцы, хирургические электроотсасыватели, шприц, инъекционные иглы — все это было свалено в беспорядочную кучу.

Назаров поджал губы, бросил испытующий взгляд на изуродованное лицо человека, лежащего на кушетке.

— Ничего этого тебе уже не нужно. Привет, братик, — шепнул он.

ИНВЕТОР

Бородач посмотрел на капельницу, висившуюся у головы пациента, затем глянул на кардиомонитор, по черному экрану которого плавно скользили зигзагообразные линии. После этого взор посетителя остановился на внутривенном катетере, который торчал из запястья брата.

Назаров склонился над неподвижным телом, ногтем указательного пальца открыл колпачок инъекционного порта. После этого он расстегнул молнию на боковом кармане плаща, извлек оттуда небольшой сверток из марли. Внутри была бледно-зеленая перчатка из мягкой резины и крошечный пузырек из матового стекла. Бородач отвинтил крышку, уже собирался было влить содержимое флакона в инъекционный порт катетера, как внезапно оглянулся.

Ширма-перегородка стояла так, что он прекрасно видел старуху, привязанную к кушетке. Пожилая пациентка невидяще пялилась в потолок, ее желтые пальцы-когти инстинктивно сжимались и разжимались, как если бы она пыталась что-то ухватить. Из глотки вырывались клокочущие звуки.

«Это не свидетель», — шепнул внутренний голос, но Назаров уже и сам понял это.

Когда полупрозрачная жидкость пузырька перекочевала в кровь человека, спящего под наркозом, он закрыл колпачок катетера. После этого бородач торопливо натянул перчатку на правую руку и ухватился за интубационную трубу, торчащую изо рта брата.

«Этих капель хватит, чтобы убить слона», — вновь заговорил внутренний голос, но Назаров мотнул головой так, словно прогонял назойливого комара.

«Капли — это, разумеется, хорошо. Но ведь никто не отменял контрольный выстрел. Так будет куда спокойней», — пронеслась мысль у него в голове.